

Возвращение в детство Анатолий Канарский

Шпаликов

"По несчастью,
Или к счастью

Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.

Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.

Путешествие в обратно
Я бы запретил,
И прошу тебя, как брата,
Душу не мути.

А не то рвану по следу,
Кто меня вернет?
И на валенках уеду
В сорок первый* год.

В сорок первом угадаю,
Там, где - Боже мой! -
Будет мама молодая
И отец живой..."

* У Шпаликова- сорок пятый. У него отец погиб в 45-м.

"Песня про шпиона".

Эти рвущие душу стихи Геннадия Шпаликова я первый раз услышал в эпилоге фильма Николая Губенко «Подранки». Они попали точно в меня, хотя я всю жизнь поступаю наоборот. "Никогда не возвращайся в прежние места...». Наверное, это правильно, но я все возвращаюсь и возвращаюсь. Причем, уже очень давно и желание это только усиливается. А начало всему этому, я думаю, 22 июня 1941 года.

Нормальная человеческая память, и моя тоже, замечательно забывает все плохое- бережет себя, и помнит все хорошее, светлое, приятное, веселое... Моя точно так, как правило. Плохое помнится, но только как факт – да, это было, но без подробностей и переживаний. Этот же день я помню весь, во всех подробностях, доступных детскому восприятию и осмыслению. Однако, День Победы не помню совершенно. Наверное, окончательно осознанная утрата, горечь, обида, и понимание, что это навсегда заслонили все и всеобщую радость Победы.

Помню первые дни войны, эвакуацию, жизнь в сибирском

селе, подробности о войне, вначале услышанные, а потом прочитанные самим, как первыми возвращались пожилые солдаты – сибиряки, помню многое, а этот день нет. Не знаю почему. «И на валенках уеду в сорок пятый год ...» Так у Шпаликова – у него отец погиб в сорок пятом. А до этого они были все вместе...

У меня - в сорок первом. И я бы уехал в сорок первый, в зиму сорок первого, когда мы переехали с Дальнего Востока в Стрельну - это около Петергофа, под Ленинградом. Где мы впервые стали жить в трехэтажном доме, в квартире на две командирские семьи, в военном городке. И я видел из окна отца, когда он шел на службу, и марширующих перед домом красноармейцев, и многое другое так интересное мальчишке. Шла война с Финляндией, и мы с соседским мальчишкой, ровесником, подняв сиденья стульев, как танковые люки, гонялись друг за другом по большому коридору «на танках».

С Александром Мартыновым - Альхой, то расставаясь надолго, то встречаясь опять, мы дружим до сих пор. Мне было уже шесть лет и жизнь представлялась такой хорошей и беззаботной. А в апреле 41 го мы переехали в Павловск (до войны – Слуцк). Это тоже под Ленинградом. Лето. Рядом Павловский парк, дворец. Мы уже побывали там с мамой и отцом. Мы все вместе съездили в Ленинград. У нас отдельная квартира с балконом в большом новом четырехэтажном доме. Друг тоже живет в этом доме. Напротив - военный городок со старыми красно-кирпичными казармами еще царских времен. В городке клуб, кино, в которое можно ходить бесплатно, хоть несколько раз подряд - один раз на детский сеанс, а потом, пристроившись еще раз и два к входящим строем красноармейцам, смотреть «Чапаева», «Истребители», «Тринадцать», «Дело инженера Кочина» и другие фильмы... И это все обещало необыкновенно интересную и веселую жизнь.

Но наступило воскресенье 22 июня... А что было до этого, раньше? Я родился на Дальнем Востоке, в Дальневосточном, ныне Приморском, крае в семье кадрового командира Красной Армии, политрука. Отец начал срочную службу в Белоруссии, в Слуцке, где познакомился с мамой (она работала воспитательницей детсада 4-й кав. дивизии, которой командовал Г.К. Жуков.) Был сверхсрочником, затем окончил курсы при Военно-политической школе им. Энгельса в Ленинграде, стал политруком, комиссаром с большой красной звездой на рукаве гимнастерки, и был направлен в 1932 году на Дальний Восток.

Там на станции Раздольное я и родился в 1934 г. Мы жили в Раздольном, рядом с Владивостоком, в Гродеково на самой границе. Жили в деревянных бараках, где, по обе стороны длинного коридора, были маленькие комнаты, в которых жили с семьями и без молодые командиры. Жили рядом с военными городками, где красноармейцы, машины, танки, пушки, трактора, кони (артиллерия на конной тяге) - что может быть интересней для мальчишек.

Обстановка была пронизана границей, военными конфликтами на Хасане (совсем рядом), Халкин-Голе. В каждом фильме ловили шпионов. «Светлый путь», «Искатели счастья», «Ошибка инженера Кочина», «Судьба барабанщика» ... Каждый день «ловили» шпионов. Так рассказывали. Шпионы японские, но ловили почему-то корейцев. Их очень много жило в тех местах до войны. То в тайге, то на сопке (пионеры заметили), то среди своих. Все дети были готовы на подвиг. В моей детской педальной машине – отец привез

ее из Владивостока, и она стояла в сарае во дворе- всегда под сиденьем лежали деревянные кинжал и пистолет. Мы были готовы. Детская память цепко удерживает в себе многое отрывочно, фрагментами, часто непонятное приспособлявая под свое детское восприятие.

Я не помню, чтобы сам видел Блюхера, но отчетливо помню разговоры о встрече с ним. Как все шли на спортплощадку со стульями. Видимо, была встреча с депутатом Блюхером. Следующий раз я увидел эту фамилию в Сибири, в эвакуации, в учебнике детей хозяйки дома, в котором мы жили. В конце учебника были портреты наших маршалов и героев гражданской войны. Все фамилии- Блюхера, Тухачевского, Егорова были замазаны чернилами. Видимо, по команде учителя. Но разобрать фамилии было можно... Как оказалось, шпиономания и действительные события отразились даже на восприятии некоторых песен, которые звучали вокруг и были очень любимы.

В войсках часто выступал Ансамбль песни и пляски РККА под управлением А.В.Александрова. Услышав однажды в детстве в исполнении этого ансамбля песню «На закате ходит парень возле дома моего», я много лет воспринимал ее как песню про шпиона. Ходит таинственный парень в пограничной зоне, на закате, в полутьме... Два загадочных письма ... В каждой строчке только точки ... Сплошные шифровки... И только позже я понял, что песня про любовь застенчивого парня.

Ради справедливости и в утешенье мне, наивному, оказалось, что такое восприятие не у меня одного. Во время войны в сибирском селе в районном клубе выступал конферансье. Сейчас мало кто знает, что это такое. Тогда, да и долго еще после войны, когда композиторов и поэтов было очень мало и их все знали, было «модно» переделывать тексты песен на злобу дня или пародировать их исполнение разными певцами. Этот конферансье исполнял песни, переделанные на темы военные. И там была моя «песня про шпиона». Кончалась она хорошо и победно – «Я разгадывать не стала, а в милицию пошла».

Было искаженное восприятие и другой песни, которое стало, как бы, предчувствием того, что случится через много лет. В песне Н. Богословского в кинофильме «Истребители» Бернес поет- «Любимый город в синей дымке тает...» Отец любил эту песню, кто ее не любил. Я пел так – «Любимый город – синий дым Китая». А как иначе – Китай рядом? Однажды в командировке в Новосибирске я, нечаянно, чуть не прошел на посадку в самолет на Пекин. А с 1997г. по 2002 шесть раз по месяцу бывал в Китае в командировках. И воздух от смога там действительно бывает синий. Мистика... Повзрослев, понял, что песня эта про Ленинград, про город с которым столько связано.

Наступила осень 1939 года. Отец уже семь лет прослужил на Дальнем востоке. Служба на ДВ считалась службой в отдаленных районах и, видимо, настало время смены места службы. Он был направлен на курсы военных комиссаров в Ленинградское военно-политическое училище им. Энгельса. У нас сохранилась фотография выпускников этих курсов. После окончания учебы отец получил новое назначение - в Ленинградский военный округ. Отец второй раз ехал учиться в Ленинград. Первый раз он учился на курсах в этом же училище (еще школе) в 32 году. Я хорошо помнил фотографию молодого курсанта с надписью на обороте: ЛВПШ им. Энгельса, 1932 г. В 1954-57 г.г. я служил срочную службу в Ленинграде.

Судьба все время возвращает нашу семью в этот город и его пригороды. В 1981 году мой сын Женя был призван на флот и проходил обучение в экипаже (школе мл. специалистов) в Ломоносове (быв. Ораниенбаум или Рамбов, как называли его революционные матросы). После учебы он служил в Балтийске, а затем почти два года в Мозамбике.

Но я отвлекся. И так, я служил в Ленинграде в 58м отдельном полку связи Военной инженерной Академии связи им. (почему-то) С.М. Буденного. Радист первого класса. Однажды в столовой я увидел большой алюминиевый чайник на 12 человек. Из таких пили чай солдаты. На ручке чайника было выбито: «ЛВПШ им. Энгельса , 1928 год.» Сохранился же на военных складах и достался нашей части. Я пил чай, вполне может быть, из одного чайника с отцом, и он был тогда почти ровесник мне. Через годы, через войну - это было как привет издалека. И помнится всю жизнь.

Итак, отец едет в Ленинград учиться, а мы вместе с ним в Белоруссию к родственникам мамы в Слуцк, пожить там, пока отец учится и не получит новое назначение. Отец свозил нас в Дзержинск (Койданово), где мы познакомились с многочисленными родственниками отца - татарами. Побывали в Минске, у брата мамы – музыканта филармонии и театра. В Слуцке мы жили в доме бабушки, маминой мамы.

Было много родственников вокруг, детей, но лица их не запомнились. Все говорили дома на идиш, и я быстро нахватался новых слов и даже пел что-то по просьбе гостей. Но обязательно из-под стола - был очень стеснительный. Никого больше из родственников не видел. Всех их сожгли в Слуцком гетто.

Ехали мы до Москвы с Дальнего Востока двенадцать суток. Это было замечательное путешествие через всю страну. За дорогу все перезнакомились и стали близкими людьми. Помню группу матросов – тихоокеанцев, которые всю дорогу опекали меня и даже обкормили бананами. Помню, как поезд шел по кругобайкальской дороге, огибая южные горные участки дороги. Значительная часть пути в тоннелях. Состав тащили два паровоза – один сзади толкал на подъемах и придерживал на спусках.

Мы много раз после меняли место жительства - Слуцк, Стрельна, Слуцк(Павловск), Одесса, Бобруйск, Ленинград, Минск. Наверное, тогда и зародилась во мне охота к перемене мест. Где бы я ни жил, мне всегда казалось, что это временно, и я ждал переезда. Даже в Минске, где живу после армии уже пятьдесят лет, первые двадцать иногда ловил себя на мысли - а когда же мы отсюда уедем. В 1983 году в нашем путешествии с женой на Байкал, Дальний Восток, Камчатку мы специально часть пути от Иркутска до Владивостока проделали на поезде. И не пожалели. Конечно, это была и дань памяти ...

Отец окончил курсы, получил назначение в Стрельну, а затем в Слуцк (Павловск) замполитом 24 ГАП- 24 арт. гаубичный полк 24 танковой дивизии 10 механизированного корпуса. Это были соединения, которые только начали формироваться перед войной - около пятидесяти механизированных корпусов.

И вот - 22 июня 1941 года. Утром, в воскресенье отец стал собираться в часть. У комиссаров выходных не было. Часть – вот она - напротив, КПП, военный городок, за ним в поле палатки летнего лагеря.

Можно все обойти пешком. Отец решил посмотреть, как обустроились бойцы в лагере. И меня взял с собой! Это было впервые, наверное, поэтому так запомнилось. К обеду мы должны были быть дома, а потом все вместе - в Парк, он тоже очень близко.

Редкий случай, когда мы могли весь день провести вместе. Может быть, предчувствие скорой разлуки вызывало у отца желание чуть побольше побыть с сыном, с женой. В прошлом году, продолжая поиски хоть каких-нибудь подробностей о гибели отца, благодаря огромной работе по созданию истории 24 танковой дивизии И.М. Хомякова - внука пропавшего без вести офицера дивизии, где служил и мой отец, я прочел воспоминания дочери Чеснокова - командира дивизии, в которую входил полк отца.

Они тоже в этот день с отцом, всей семьей собирались в парк, но Пушкинский. С отцом мы прошли через городок, вышли в поле, ходили по лагерю. Шли по лагерьной дорожке. Вдали, под столбом, на котором висел громкоговоритель увидели много красноармейцев. Мы идем туда. Навстречу бежит боец, посыльный из штаба. Что-то тихо сказал отцу. Что-то случилось. Отец сразу изменился в лице. Поручил бойцу отвести меня домой и быстро ушел.

Началась война! По радио выступал Молотов. Боец довел меня до КПП. Я перешел дорогу и подошел к своему подъезду. Около дома шумно спорили мальчишки, постарше меня, школьники. «Какое они имеют право нападать на нас? У нас же договор!» Это я запомнил отчетливо. Мальчишки твердо верили в силу договоров. Поздно вечером пришел отец. Он принес с собой автомат, два круглых диска и положил все это на мою кровать. Через два дня часть ушла. Сначала на Карельский перешеек своим ходом, а в начале июля под Лугу. Там формировался Лужский оборонительный рубеж. Уходя, он успокаивал плачущую маму: «Не плачь, через два месяца поедем в Берлин часы покупать.» И все...

Помню бомбежки, бомбоубежище во дворе и противотанковый ров в парке, в котором мы прятались с детским садом во время прогулки. Зенитка на крыше и пулемет на балконе в торце дома. Потом эвакуация. Немцы прорвали оборону с юга и нас направили в объезд северней, через Волховстрой. Эшелон товарных вагонов, только немного мягких вещей с собой. Лейтенант и два бойца в сопровождение. Помню очень хорошо ночную бомбежку на ст. Волховстрой. Все пути забиты эшелонами в тыл и на фронт.

Рядом с нами эшелон с моряками. Прямо с платформ они стреляют из зениток и пулеметов по самолетам. Крики, плач. Женщины прячут детей под нары. Под натиском женщин комендант отправляет наш состав. Бомбят мост. Мы успели проскочить. Загорелся только последний вагон. Пассажиров его размещали по другим теплушкам. Говорил, что наш состав проскочил последним - немцы разбомбили мост. В воспоминаниях дочери командира дивизии (она старше меня на десять лет) описание этой ночи совпадает с моими.

Но, конечно, она знала и понимала гораздо больше меня. Матросы были с погибшего крейсера «М. Горький», которому в Таллинской гавани оторвало бомбой нос. В дороге в эшелоне родился ребенок и все собирали, что могли для него. Затем дорога в Сибирь. Все думали, что в Челябинск, но привезли нас на степную станцию Кособродск (сейчас Октябрьский), в Курганской области. Все пространство перед составом было заполнено телегами, лошадьми и волами. Это крестьяне Чашинского района за 30 - 50 км. приехали разбирать нас и развозить по

домам. Все было организовано. Нас забрали украинцы, очень хорошие люди, бездетные, и отвезли в село Могильное. Мы недолго прожили у них и перебрались в районное село Чаша. Маме надо было быть поближе к роддому. 21 октября мама родила Борю.

Потом пришло извещение, что отец пропал без вести в октябре 41 года. Я тоже родился в октябре, 27. И сын мой родился 27 октября. Все у нас в октябре...

В Чаше мы прожили до весны 46 года. Потом опять Павловск недолго, Одесса 46-47 - времена фильма "Ликвидация" и эпизод про меня, из "этого фильма". Потом Бобруйск. Потом 53 год. Меня не приняли в два института и два военных училища. Только недавно, к счастью, я понял почему. Отец пропал без вести. Это было клеймо. Но он не мог пропасть.

Комиссаров и евреев в плен не брали- стреляли на месте. у него на рукаве была большая красная звезда комиссара. Чтоб немцам проще различать? Потом Армия, 3 года в центре Ленинграда. Потом Минск. До сих пор. Первые лет 20- 30 я часто вздрагивал- когда, наконец, я из Минска уеду. Привычка, понимаете ли...

Когда-то, не помню почему, записал это. Потом только немного дополнил и распечатал .

Может быть это интересно только мне, наверное. И «тем, кто рядом с нами был». Но их уже почти никого нет...